

Русские диаспоры ближнего зарубежья в постперестроечный период: фантом или реальность?*

Анна Урядова

Ярославский государственный университет,
Ярославль, Россия

Russian Diasporas of the Near Abroad in the Post-Perestroika Period: Phantom or Reality?

Anna Uriadova

Yaroslavl State University,
Yaroslavl, Russia

Following the collapse of the USSR, a significant number of Soviet citizens not belonging to the titular nations of these countries found themselves in the territories of the newly formed states. This article aims to establish the extent to which the concept of “diaspora” is applicable to the Russian communities that lived in these territories during this period. The migration processes of today contribute to the replenishment of countries bordering on the Russian Federation with people of a different formation, at the same time helping the Russian abroad survive as a phenomenon, which makes the topic relevant. The work draws on legislative acts and other official documents of the state authorities, also referring to published interviews with Russian-speaking residents of these regions (both those living there and those who have returned to Russia). To date, the issue of the concept of “diaspora” is debatable. Without polemizing on this issue, the author bases the study not on the concept itself, but on its characteristics and key features shared by most scholars. The author gives a brief overview of the attitude of the Russian state to this category of population and to the problem of diasporas itself. Showing their transformation in the 1990s, the author concludes that it is inappropriate to apply this notion to the Russians of the near abroad in the above-mentioned period. Instead, the concept of “Russian-speaking

---

* *Citation*: Uriadova, A. (2024). Russian Diasporas of the Near Abroad in the Post-Perestroika Period: Phantom or Reality? In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 1. P. 96–109. DOI 10.15826/qr.2024.1.867.

Цитирование: Uriadova A. Russian Diasporas of the Near Abroad in the Post-Perestroika Period: Phantom or Reality? // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 1. P. 96–109. DOI 10.15826/qr.2024.1.867 / Урядова А. Русские диаспоры ближнего зарубежья в постперестроечный период: фантом или реальность? // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 1. С. 96–109. DOI 10.15826/qr.2024.1.867.

communities” seems more appropriate, which does not deny the possibility of further transformation of the community into a diaspora.

Keywords: diaspora, near abroad, compatriots, Russian-speaking communities

После распада СССР на территориях новообразованных государств оказалось значительное количество советских граждан, не принадлежавших к их титульным нациям. В статье ставится цель выяснить, насколько понятие «диаспора» применимо в отношении русских сообществ, проживавших в указанный период на этих территориях. Миграционные процессы, происходящие в нынешнее время, способствуют пополнению сопредельных с Российской Федерацией стран людьми уже другой формации, которая вместе с тем не дает исчезнуть русскому зарубежью как явлению, что актуализирует тему. В основу работы положены законодательные акты и другие официальные документы государственной власти. В качестве источников привлечены опубликованные интервью с русскоязычными жителями этих регионов (как проживающими там, так и вернувшимися в Россию). На сегодняшний день вопрос о понятии «диаспора» является дискуссионным. Не вступая в полемику по данному вопросу, автор полагает в основу исследования не само понятие, а его характеристики и ключевые черты, разделяемые большинством ученых. Дается краткий обзор отношения Российского государства к данной категории населения и собственно к самой проблеме диаспор. Показывая их трансформацию в период 1990-х гг., автор приходит к выводу о неправомерности применения к русским ближнего зарубежья в вышеуказанный период этого понятия. Вместо него видится более подходящим определение «русскоговорящие сообщества», что не отрицает возможности дальнейшего преобразования сообщества в диаспору.

Ключевые слова: диаспора, ближнее зарубежье, соотечественники, русскоговорящие сообщества

В большинстве стран ближнего зарубежья русские были вторым по численности народом в государстве (Казахстан – 37 %, Латвия – 33 %, Эстония – 30 %, Украина – 20 %, Киргизия – 20 %) [Суций, с. 7]. После распада СССР на территориях государств, образовавшихся из бывших советских республик, оказалось 25,3 млн русских [Всесоюзная перепись населения].

Отношение к понятию «диаспора» и к тому, кто входит в это образование, очень противоречиво. Еще более неясно, насколько данное понятие применимо в отношении русских сообществ, проживавших на территориях бывшего СССР. Это не вопрос терминологии, а скорее отражение проблем культурно-исторических связей с родиной и самоидентификации, являющихся ключевыми при классификации диаспоральных сообществ. Немаловажно выявление отношения к данным сообществам Российского государства, берущего на себя

ответственность именно за диаспоры как относительно устойчиво оформившееся образование со своими институтами [Flynn, p. 39–44; Kosmarskaja; Pilkington, Flynn, p. 55–67]. Основная цель статьи состоит в идентификации русских сообществ ближнего зарубежья 90-х гг. XX в. через «несущие конструкции» диаспоральной идентичности. В связи с этим встает задача выявления эволюции государственной политики по отношению к русскому ближнему зарубежью.

Понятие «диаспора» появилось в научном обороте в западной историографии в начале 1960-х гг. Усиление миграционных процессов, связанных сначала с распадом колониальной, а позже биполярной систем, привело к переосмыслению и появлению новых подходов к явлению диаспор и к их классификации. С распадом СССР и началом миграционных процессов на постсоветском пространстве эти территории также вошли в сферу научных интересов специалистов по диаспорам. Одни авторы изучали возникновение диаспоры, ее положение, вопросы гражданства, языковую политику стран-реципиентов, политику России в отношении этих общин [Chinn, Kaiser; King, Melvin; Kolstoe; Zevelev; *The new Russian diaspora*]. Другие были сосредоточены на идентичности, ее влиянии на русские сообщества в странах ближнего зарубежья, на путях развития последних (интеграция, ассимиляция, эмиграция) [Laitin; Melvin, 1995]. К концу 1990-х гг. все больше исследователей стали подвергать сомнению уместность использования понятия «диаспора» для описания русских общин в постсоветских государствах, отмечая, что русские, живущие за границей, фактически были отрезаны от своей родины в результате изменения государственных границ, а не вынужденного рассеяния, что у них фиксируется разное отношение к родине и размыты критерии национальной идентичности [Pilkington, Flynn; Smith]¹.

В России научный интерес к феномену диаспор возник только с середины 1990-х гг., до этого проблема носила скорее политический характер. При этом отношение к ней со стороны властей существенно изменилось за эти годы – от ее игнорирования до принятия федерального закона «О государственной поддержке соотечественников за рубежом», закрепившего понятие «соотечественники» юридически [О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом]. С начала 2000-х гг. проблема русских за рубежом, особенно в странах ближнего зарубежья, стала обсуждаться на государственном уровне.

Усиление интереса к проблеме соотечественников способствовало появлению ряда институтов (в том числе государственных) и тому, что русскоязычные сообщества на постсоветском пространстве постепенно стали объектом диаспоризации со стороны российских

---

¹ Интерес к этой проблематике вызвал появление нескольких близких даже по названиям журналов: англоязычного “*Diaspora: a Journal of Transnational Studies*” (1991), российских «Диаспоры» (1999) и «Диаспора: новые материалы» (2001).

властей. По мнению Х. Пилкингтон и М. Флинн, «запущенная “сверху” “диаспоризация” привела к тому, что понятие “диаспора” стали активно применять в политическом и публичном дискурсе» [Пилкингтон, Флинн]. Н. Космарская считает, что в 1990-е гг. оно обычно использовалось для обозначения всего русскоязычного населения, проживающего в новых независимых государствах [Космарская, 1998, с. 76]. Она полагает, что «диаспоризация» русских за границами России – это миф, создаваемый СМИ, в котором утверждается, что эти люди трактуют Россию как родину и стремятся вернуться в ее пределы, и приписывает им характеристики «настоящих» диаспор [Космарская, 2002, с. 114–115].

Н. Космарская выделяет концептуальную полемику между конструктивистами и эссенциалистами и анализирует теоретико-методологические подходы к изучению диаспор [Космарская, 2022], поэтому остановимся лишь на ключевых определениях и положениях.

Одно из наиболее общих определений диаспоры дал У. Коннор – это «сегмент народа, живущий за пределами родины» [Connor, p. 16]. Более развернутое определение находим у Р. Брубейкера [см.: Brubaker, 1996; Brubaker, 2000; Brubaker, 2005]. Он называет диаспорой «как минимум рассеяние этноса в пространстве и его отношение к реальной или воображаемой родине, на которую диаспора, несмотря на отделение, продолжает ориентироваться эмоционально или политически» [Брубейкер, с. 6], отмечая, однако, что по мере распространения этого понятия его значение изменялось, расширялось. Одни авторы считают его работу «”Диаспора” диаспора» [Brubaker, 2005] поворотным моментом в исследованиях этого вопроса [Alexander], другие относятся к ней более критически [Webner]. Брубейкер ввел в научный оборот новое понятие «диаспора катаклизмов», значение которого он связывает с распадом крупных государственных образований, приводящим к изменению политических границ. Отсюда специфика образования этих диаспор: мгновенное возникновение, отсутствие фактического перемещения людей (изменяются границы) [Brubaker, 2000]. Данный подход активно используют российские авторы применительно к постсоветской ситуации.

В. И. Дятлов в статье «Диаспора: попытка определиться в понятиях» дает свою трактовку через специфические черты диаспоральной ситуации, предполагающей как сохранение собственной идентичности, так и интеграцию в окружающее сообщество [Дятлов, с. 10–12]. Это понятие уточняется в его более поздней работе (совместной с Э. Мелконяном), где он рассматривает диаспору как «особый тип человеческих взаимоотношений, как специфическую систему формальных и неформальных связей, жизненных стратегий и практик людей, основанных на общности исхода с “исторической родины”, на усилиях по поддержанию образа жизни в “рассеянии” – в качестве национального меньшинства в иноэтничном обществе» [Дятлов, Мелконян, с. 8]. Эти и последующие исследователи оперируют не самим понятием, а кри-

териями и качественными характеристиками, присущими диаспоре, такими как культурная (национальная) идентичность, сильное этническое групповое самосознание, сохраняющееся в течение длительного времени, чувство солидарности с соотечественниками в других принимающих обществах [Cohen, p. 180], групповая сплоченность, основанная на идентификации с местом общего происхождения, коллективная память и миф о родине, ее идеализация, привязанность к исторической родине, чувство отчуждения от общества-реципиента, оторванности от родины, «удаленный национализм», стремление к возвращению или «миф о возвращении», связанные с идеализацией исхода, и др. [Hall, p. 223; Safran, p. 83; Schiller]. Выявление этих характеристик возможно благодаря социологическим исследованиям, проведенным зарубежными и российскими исследователями [Barrington, Herron, Silver; Витковская; Zayonchkovskaya].

Принимая вышеперечисленные критерии за основу, выясним, привел ли распад СССР к появлению русской диаспоры в странах ближнего зарубежья.

Культурная (национальная) идентичность. Большое внимание проблеме идентичности русских ближнего зарубежья уделяют П. Колстое, Х. Пилкингтон, М. Флинн [Kolstø; Пилкингтон, Флинн]. Р. Брубейкер отмечает, что в таких империях, как Советская/Российская и Австро-Венгерская, где население этнически смешано, а некоторые его группы сопротивляются ассимиляции, территориально-политическая и этнокультурная модели государственности сосуществуют непросто [Brubaker, 1996, p. 32–35]. Характер миграций, национальная политика Советского государства, идеология интернационализма создали в советское время сложный спектр идентичностей в национальных республиках как у местного, так и у пришлого населения. Интернационализм концептуально и всей своей практикой противостоит национализму, поэтому, несмотря на наличие национальных республик, определенное сохранение национальных традиций, уже применительно к СССР можно говорить о попытках замены национальной, то есть «этнической» идентичности на советскую, то есть «гражданскую». Особенно заметно в советское время размывание национальной идентичности у русских. Большинство представителей народов СССР считали себя прежде всего «советскими» гражданами.

Это подтверждают и опросы, проведенные западными, российскими и украинскими исследователями среди представителей русского ближнего зарубежья в конце 1990-х гг. Они не находят подтверждения тому, что эта категория населения идентифицирует себя с Россией. Исследователи обнаружили, что 58,7% россиян, проживавших в Казахстане, идентифицировали эту страну или ее часть как свою родину, в то время как только 22,4% так идентифицировали Россию (или какое-то конкретное место на ее территории). Аналогично и в Киргизской Республике 60,8% проживавших там россиян называли ее или какую-либо ее часть своей родиной, и только 20,7% называли в качестве

таковой России. То же исследование показало, что русские, проживавшие в Казахстане и Киргизии, в подавляющем большинстве считают себя национальными меньшинствами (59,3 и 67% соответственно), в то время как лишь небольшая доля тех, кто живет на Украине и в Белоруссии (18,8 и 9,2% соответственно), оценивали себя именно таким образом [Barrington, Herron, Silver]. Авторы приходят к выводу, что неславянская культурная среда повышает осознание этнических различий среди русских меньшинств, тем не менее, они могут более тесно идентифицировать себя со страной своего проживания, чем с Россией.

Е. Поппе и Л. Хагендорн обнаружили, что многим из опрошенных россиян в Центральной Азии не хватало целостной национальной идентичности, они больше идентифицировали себя как «советских». Авторы указывают, что в опросах, проведенных в советский период, большинство россиян называли своей родиной Советский Союз, а не Россию, что, по их мнению, говорит о том, что после краха коммунизма у них было меньше шансов идентифицировать себя с Россией как со своей родиной [Poppe, Hagendoorn, p. 58]. Н. М. Лебедева в своем исследовании русских общин в Казахстане и Узбекистане обнаружила то, что она назвала «кризисом социальной идентичности», ведущим к «кризису гражданской идентичности» [Лебедева, с. 73].

Исследования русских, переехавших из ближнего зарубежья в Россию, также опровергают автоматическую привязанность к России как родине: эти люди редко воспринимают переезд как возвращение на историческую родину [Flynn; Гриценко; Pilkington, 1998]. Более того, в ряде исследований отмечается, что они продолжают сохранять сложившиеся в местах прежнего проживания культурные и бытовые (например, кулинарные) привычки [Филипова, с. 62].

В странах ближнего зарубежья оказались не только этнически русские, это могли быть и представители других нетитульных наций. Большинство из них говорили на русском языке и не знали языка страны проживания, но в данном случае язык не является показателем национальной идентичности. Несмотря на то, что чаще всего диаспора увязывается с этнической общностью, как считает П. Осколков, ее определения не предполагают неизбежно «этнической» природы диаспоральной группы; все идентичности диаспоры динамичны и имеют множество измерений, и их «этнический» компонент может быть подменен иными индикаторами «диаспоральности» [Осколков, с. 114]. В данном случае, на наш взгляд, можно говорить о культурной идентичности людей, выросших в единой системе советских координат, учившихся в советской школе, воспитывавшихся на единых культурных и идеологических ценностях. Для данных сообществ актуальнее их гражданская идентичность, а, следовательно, их солидарность строится на общем советском прошлом и касается не только русских, но и всех бывших советских граждан, представителей нетитульных наций в новых независимых государствах. Отсутствие взаимодействия было скорее следствием слишком разных

условий проживания этих сообществ в странах ближнего зарубежья и, соответственно, проблем, которые им необходимо было решать.

Коллективная память о Родине русских ближнего зарубежья – это не образ России, а образ СССР. Вышеупомянутые опросы показывают, что понятие Родины у респондентов не постоянное и статичное, а множественное. Так, родиной могла считаться Советская республика, в которой они проживали в советское время. Ностальгию они испытывали не по той стране, которая создана, а по той, которой уже не существовало. Это способствовало еще большей мифологии и идеализации исчезнувшей Родины. В этом плане ситуация была схожа с пореволюционной эмиграцией, представители которой не мыслили свое возвращение в РСФСР/СССР, но тосковали о России имперской.

Ч. Зиеглер выделяет три фактора, влияющих на формирование отношения диаспоры как к родине, так и к принимающей стране: 1) сами обстоятельства переселения (было ли оно вынужденным), 2) политический режим (тоталитарный или демократический) как на родине, так и в стране-реципиенте (с оговоркой о наличии исключений из правил), 3) отношения между страной проживания и родной страной [Ziegler, p. 105]. Последний пункт, по его мнению, особенно хорошо раскрывает Г. Шеффер [Sheffer]. На отношение к стране проживания, по мнению Ч. Зиеглера, влияет также культурная близость к принимающей стране или удаленность от нее [Ziegler, p. 107]. Логично, заключает он, что при прочих равных условиях русские должны чувствовать себя наиболее комфортно в культурном отношении в славянской Украине или Белоруссии (язык, религия и обычаи в этих странах тесно связаны с российским опытом). И действительно, отток русских из этих стран в Российской Федерации был в 1990-е гг. небольшим. Культурная дистанция была сильнее в странах Балтии, но наиболее очевидна она на Кавказе и в Центральной Азии, где национальные языки и обычаи вкупе с возрождающимся исламом способствовали изоляции русского/русскоязычного населения, что в том числе приводило к большим миграционным потокам [Heleniak, p. 103].

В зависимости от государства, в котором проживали русские, могло возникать (в разной степени) или не возникать вообще чувство отчуждения от общества-реципиента, оторванности от родины. В зависимости от этого стремление к объединению, групповая сплоченность были выражены в большей или меньшей степени, равно как и чувство солидарности с соотечественниками в других принимающих обществах. История свидетельствует, что диаспоры редко бывают однородными, и это наблюдение применимо к русским ближнего зарубежья. Они различались по тому, как долго прожили в стране-реципиенте, родились они там или нет, каковы были обстоятельства, которые привели их туда (вольно или невольно), отличалось ли их отношение к принимающей стране и родине.

В странах ближнего зарубежья и в России возникали различного рода ассоциации, которые боролись за права русского/русскоязычного населения. Их требованиями, как правило, являлись свободное передвижение по постсоветскому пространству, предоставление двойного гражданства всем желающим, материальная поддержка русскоязычия со стороны Российского государства, сохранение правового статуса русского языка как языка общения во всех республиках, сохранение памятников, мест русской культуры и топонимов. Серьезное внимание уделялось вопросу обучения детей. Они не только пытались влиять на политику стран проживания и политику РФ по отношению к тем группам населения, которые они представляли, но, безусловно, влияли и на общественное мнение в отношении положения русских ближнего зарубежья. Особенно это касается структур, существовавших в государственных подразделениях, таких, например, как Совет соотечественников при Государственной думе РФ, Всемирный совет соотечественников при правительстве Москвы. Скорее всего благодаря деятельности этих структур, равно как и государственным актам, произошло формирование отношения к русским ближнего зарубежья как к диаспоре, именно они «наделили» соотечественников однородностью, которой на самом деле не было. Иными словами, происходила «диаспоризация сверху», игнорирующая разнообразие идентичностей, траекторий развития, самоидентификацию сообществ [см.: Melvin, 1998; Pilkington, Flynn; Smith]. Эти и аналогичные организации способствовали развитию дискурса о высокой способности русских общин ближнего зарубежья к самоорганизации, что не соответствовало действительности.

Социологические исследования показывают, что большинство россиян ближнего зарубежья в исследуемый период жили в отрыве от ассоциаций, которые должны были их представлять, зачастую даже не подозревая об их существовании и не считая себя защищенными ими [The New Russian Diaspora; Kolstoe; Laitin; Космарская, 2006].

В 2000 г. «Независимая газета» начала «перепись» русских общин в Интернете [Айрапетова]. К концу года было выявлено, что в ней «есть существенные пробелы и вообще “белые пятна”, что отражает и объективную ситуацию. Пока не обнаружено сколько-нибудь авторитетных или реально действующих русских общин и русских организаций в Молдавии, отсутствуют какие-либо активные действия русских в Туркмении и даже признаки такой активности, заметно снизился энтузиазм русских организаций в Таджикистане, где сейчас, надо думать, речь идет просто о физическом выживании всех граждан этой республики» [Там же]. Саму эту перепись можно было бы рассматривать как определенный шаг на пути к консолидации русского зарубежья, поскольку газета не только печатала названия и адреса организаций, но и призывала бизнес-сообщество, государственные структуры обратить на них внимание.

Институтом консолидации стал и Всемирный конгресс соотечественников, созданный в связи с уже упоминавшимся федеральным законом 1999 г., имеющий свои представительства (координационные советы) в ряде стран. Его создание и характер деятельности подтверждают факт, что русскоязычные общины в бывших республиках были объектом «диаспоризации».

К концу 1990-х гг. по мере выстраивания новыми государствами национальной политики, а также в связи с увеличением интереса РФ к проблеме русских за рубежом в самовосприятии последних, в их понимании своего места в жизни произошел ряд изменений. Это привело к нескольким разнонаправленным процессам: 1) адаптация и даже ассимиляция в странах проживания; 2) самоидентификация себя в качестве диаспоры, создание собственных организаций по защите прав русского (русскоязычного) населения или обращение за помощью к аналогичным, созданным Российской Федерацией; 3) возвращение в Российскую Федерацию.

К сожалению, большинство ассоциаций, действовавших в тот момент в странах ближнего зарубежья, видели только два пути: либо массовая репатриация, либо полная ассимиляция. Они не учитывали континуум идентичности социологических реалий и разнообразие местных реакций, не желали признавать, что часть русских стремится к интеграции в новое государство без ассимиляции и не признает Россию своей родиной. Критическое осмысление ситуации руководством ассоциаций произошло только к началу 2000-х гг., однако в большинстве случаев «имперские» взгляды сохранялись.

Таким образом, «примерив» критерии диаспоральности к сообществам русских ближнего зарубежья, можно прийти к выводу, что для времени 1990-х гг. диаспорой их считать неправомерно. Можно согласиться с мнением С. В. Рязанцева, который предлагает использовать понятие «русскоговорящие сообщества» [Рязанцев, с. 7]. Безусловно, необходимо учитывать, что диаспора – явление динамичное, поэтому возможно ее качественно новое формирование в XXI в. [Kolstø, p. 612], что требует дальнейшего изучения проблемы.

Библиографические ссылки

Айрапетова Н. Перепись русских общин продолжается // Независ. газ. : [сайт]. 2000. 16 дек. URL: https://www.ng.ru/cis/2000-12-16/5_perepis.html (дата обращения: 25.06.2023).

Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с роинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // Диаспоры. 2000. № 3. С. 6–32.

Витковская Г. С. Российские диаспоры в Центральной Азии: миграционный потенциал // Социол. исслед. 1999. № 2. С. 45–53.

Всесоюзная перепись населения 1989 года (1989) // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php (дата обращения: 25.06.2023).

Гриценко В. В. Русские среди русских: проблемы адаптации вынужденных мигрантов и беженцев из стран ближнего зарубежья в России. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1999. 189 с.

Дятлов В. И. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1. С. 8–23.

Дятлов В., Мелконян Э. Армянская диаспора : Очерки социокультурной типологии. Ереван : Ин-т Кавказа, 2009. 207 с.

Космарская Н. «Я никуда не хочу уезжать». Жизнь в постсоветской Киргизии глазами русских // Вестн. Евразии. 1998. № 1–2. С. 76–101.

Космарская Н. «Русские диаспоры»: политические мифологии и реалии массового сознания // Диаспоры. 2002. № 2. С. 110–156.

Космарская Н. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002). М. : Наталис, 2006. 597 с.

Космарская Н. Теоретико-методологические подходы к изучению диаспор в российской и западной науке // Перспективы развития диаспорологии в эпоху глобализации, транснационализма и цифровизации : материалы междунар. конф. Алматы : Казах. нац. ун-т им. Аль-Фараби, 2022. С. 9–17.

Лебедева Н. М. Новая русская диаспора : Социально-психологический анализ. М. : Ин-т этнологии и антропологии, 1995. 299 с.

О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом : федер. закон РФ от 24.05.1999 № 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013) // КонсультантПлюс : [интернет-портал]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ (дата обращения: 25.06.2023).

Осколков П. В. Организации этнических меньшинств в России и Польше: методологические вызовы сравнения // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 4. С. 113–127. DOI 10.5922/2079-8555-2022-4-7.

Пилкинстон Х., Флинн М. Чужие на Родине? Исследования «диаспоральной идентичности» русских «вынужденных переселенцев» // Межрегиональные исследования в общественных науках : [интернет-портал]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/russ-ost/diaspr/12.html (дата обращения: 30.06.2023).

Рязанцев С. В. Русские за границей: существует ли русская диаспора? // Науч. обозрение. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2016. № 5. С. 3–10.

Суций С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 2. С. 6–30. DOI 10.17323/demreview.v7i2.11137.

Филипова Е. И. Адаптация русских вынужденных мигрантов из нового зарубежья // Вынужденные мигранты. Интеграция и возвращение. М. : Ин-т этнологии и антропологии, 1997. С. 45–74.

Alexander C. Beyond the ‘Diaspora’ Diaspora: A Response to Rogers Brubaker // Ethnic and Racial Studies. 2017. № 40 (9). P. 1544–1555. DOI 10.1080/0141987042000289997.

Barrington L., Herron E., Silver S. The Motherland is Calling: Views of Homeland among Russians in Near Abroad // World Politics. 2003. № 55. P. 290–313. DOI 10.1353/wp.2003.0008.

Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1996. 202 p.

Brubaker R. Accidental Diasporas and External “Homelands” in Central and Eastern Europe: Past and Present. Wien : Inst. für Höhere Studien, 2000. 30 p.

Brubaker R. The ‘Diaspora’ Diaspora // Ethnic and Racial Studies. 2005. Vol. 28, № 1. P. 1–19. DOI 10.1080/0141987042000289997.

Chinn J., Kaiser R. Russians as the New Minority: Ethnicity and Nationalism in the Soviet Successor States. Boulder, CO : Westview Press, 1996. 379 p.

Cohen R. Global Diasporas. An Introduction. L. : Routledge, 2008. 240 p.

Connor W. The Impact of Homelands upon Diasporas // Modern Diasporas in International Politics / ed. by G. Sheffer. L. : Croom Held, 1986. P. 16–46.

Flynn M. Migrant Resettlement in the Russian Federation: Reconstructing ‘Homes’ and ‘Homelands’. L. : Anthem, 2004. 245 p.

- Hall S.* Cultural Identity and Diaspora // *Identity: Community, Culture, Difference* / ed. by J. Rutherford. L. : Lawrence and Wishart, 1990. P. 222–237.
- Heleniak T.* Migration of the Russian Diaspora After the Breakup of the Soviet Union // *J. of Intern. Affairs.* 2004. № 57. P. 99–117.
- King C., Melvin N.* Diaspora Politics: Ethnic Linkages, Foreign Policy, and Security in Eurasia // *Quarterly J. of Intern. Security.* 1999. № 24 (3). P. 108–138. DOI 10.1162/016228899560257.
- Kolstoe P.* Russians in the Former Soviet Republics. L. : Hurst & Co. : Indiana Univ. Press, 1995. 305 p.
- Kolstø P.* The New Russian Diaspora – an Identity of Its Own? Possible Identity Trajectories for Russians in the Former Soviet Republic // *Ethnic and Racial Studies.* 1996. Vol. 19, № 3. P. 609–639. DOI 10.1080/01419870.1996.9993927.
- Kosmarskaja N.* Post-Soviet Russian Diaspora // *Encyclopedia of World Diasporas.* N. Y. : Kluwer Academic Publ., 2004. P. 264–272.
- Laitin D.* Identity in Formation. The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad. Ithaca ; L. : Cornell Univ. Press, 1999. 432 p.
- Melvin N.* Russians beyond Russia: The Politics of National Identity. L. : Pinter, 1995. 170 p.
- Melvin N.* The Russians: Diaspora and the End of Empire // *Nations Abroad: Diaspora Politics and International Relations in the Former Soviet Union* / ed. by C. King, N. J. Melvin. Boulder, CO : Westview, 1998. P. 27–57.
- Pilkington H.* Migration and Identity in Post-Soviet Russia. L. ; N. Y. : Routledge, 1998. 264 p.
- Pilkington H., Flynn M.* A Diaspora in Diaspora? Russian Returnees Confront the “Homeland” // *Refuge: Canada’s J. on Refugees.* 2006. Vol. 23, № 2. P. 55–67.
- Poppe E., Hagendoorn L.* Types of Identification among Russians in the “Near Abroad” // *Europe-Asia Studies.* 2001. Vol. 53, № 1. P. 57–71. DOI 10.1080/09668130020016486.
- Safran W.* Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // *Diaspora: A J. of Transnational Studies.* 1991. Vol. 1, № 1. P. 83–99.
- Schiller G.* Long-Distance Nationalism // *Encyclopedia of Diasporas. Immigrant and Refugee Cultures Around the World* / ed. by M. Ember, C. Ember, I. Skoggard. Boston : Springer, 2005. P. 570–580.
- Sheffer G.* Diaspora Politics: At Home Abroad. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003. 308 p.
- The New Russian Diaspora: Russian Minorities in the Former Soviet Republics / ed. by V. Shlapentokh, M. Sendich, E. N. Payin. N. Y. : Routledge, 1994. 288 p.
- Smith G.* Transnational Politics and the Politics of the Russian Diaspora // *Ethnic and Racial Studies.* 1999. № 22 (3). P. 500–523. DOI 10.1080/014198799329404.
- Webner P.* The Boundaries of Diaspora: A Critical Response to Brubaker // *Diasporic Constructions of Home and Belonging* / ed. by F. Kläger, K. Stierstorfer. Berlin ; München ; Boston : De Gruyter, 2015. P. 35–52. DOI 10.1515/9783110408614-004.
- Zayonchkovskaya Zh.* New Migration Trends in the Commonwealth of Independent States // *Intern. Social Science J.* 2000. № 165. P. 343–355.
- Zevelev I.* Russia and Its New Diasporas. Herndon : United States Inst. of Peace Press, 2001. 240 p.
- Ziegler Ch.* The Russian Diaspora in Central Asia: Russian Compatriots and Moscow’s Foreign Policy // *Demokratizatsiya. The J. of Post-Soviet Democratization.* 2006. № 14 (1). P. 103–126. DOI 10.3200/DEMO.14.1.103-126.

References

- Airapetova, N. (2000). Perepis’ russkikh obshchin prodolzhaetsya [The Census of Russian Communities Continues]. In *Nezavisimaya gazeta* [website]. 16 Dec. URL: https://www.ng.ru/cis/2000-12-16/5_perepis.html (accessed: 25.06.2023).

Alexander, C. (2017). Beyond the 'Diaspora' Diaspora: A Response to Rogers Brubaker. In *Ethnic and Racial Studies*. No. 40 (9), pp. 1544–1555. DOI 10.1080/0141987042000289997.

Barrington, L., Herron, E., Silver, S. (2003). The Motherland Is Calling: Views of Homeland among Russians in Near Abroad. In *World Politics*. No. 55, pp. 290–313. DOI 10.1353/wp.2003.0008.

Brubaker, R. (2000). "Diaspory kataklizma" v Tsentral'noi i Vostochnoi Evrope i ikh otosheniya s rodinami (na primere Veimarskoi Germanii i postsovetskoi Rossii) ["Cataclysmic Diasporas" in Central and Eastern Europe and Their Relationships with Their Homelands (Case Study of Weimar Germany and Post-Soviet Russia)]. In *Diaspory*. No. 3, pp. 6–32.

Brubaker, R. (2000). *Accidental Diasporas and External "Homelands" in Central and Eastern Europe: Past and Present*. Wien, Inst. für Höhere Studien. 30 p.

Brubaker, R. (1996). *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 202 p.

Brubaker, R. (2005). The 'Diaspora' Diaspora. In *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 28. No. 1, pp. 1–19. DOI 10.1080/0141987042000289997.

Chinn, J., Kaiser, R. (1996). *Russians as the New Minority: Ethnicity and Nationalism in the Soviet Successor States*. Boulder, CO, Westview Press. 379 p.

Cohen, R. (2008). *Global Diasporas. An Introduction*. L., Routledge. 240 p.

Connor, W. (1986). The Impact of Homelands upon Diasporas. In Sheffer, G. (Ed.). *Modern Diasporas in International Politics*. L., Croom Held, pp. 16–46.

Dyatlov, V. I. (1999). Diaspora: popytka opredelit'sya v ponyat'yakh [Diaspora: An Attempt to Define Concepts]. In *Diaspory*. No. 1, pp. 8–23.

Dyatlov, V., Melkonyan, E. (2009). *Armyanskaya diaspora. Ocherki sotsiokul'turnoi tipologii* [The Armenian Diaspora: Essays on Sociocultural Typology]. Yerevan, Institut Kavkaza. 207 p.

Filipova, E. I. (1997). Adaptatsiya russkikh vyzhdennykh migrantov iz novogo zarubezh'ya [Adaptation of Russian Forced Migrants from the New Abroad]. In *Vyzhdennyye migranty: Integratsiya i vozvrashchenie*. Moscow, Institut etnologii i antropologii, pp. 45–74.

Flynn, M. (2004). *Migrant Resettlement in the Russian Federation: Reconstructing 'Homes' and 'Homelands'*. L., Anthem. 245 p.

Gritsenko, V. V. (1999). *Russkie sredi russkikh: problemy adaptatsii vyzhdennykh migrantov i bezhentsev iz stran blizhnego zarubezh'ya v Rossii* [Russians among Russians: Problems of Adaptation of Forced Migrants and Refugees from Neighbouring Countries in Russia]. Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN. 189 p.

Hall, S. (1990). Cultural Identity and Diaspora. In Rutherford, J. (Ed.). *Identity: Community, Culture, Difference*. L., Lawrence and Wishart, pp. 222–237.

Heleniak, T. (2004). Migration of the Russian Diaspora After the Breakup of the Soviet Union. In *J. of Intern. Affairs*. No. 57, pp. 99–117.

King, C., Melvin, N. (1999). Diaspora Politics: Ethnic Linkages, Foreign Policy, and Security in Eurasia. In *Quarterly J.: Intern. Security*. No. 24 (3), pp. 108–138. DOI 10.1162/016228899560257.

Kolstø, P. (1996). The New Russian Diaspora – an Identity of Its Own? Possible Identity Trajectories for Russians in the Former Soviet Republic. In *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 19. No. 3, pp. 609–639. DOI 10.1080/01419870.1996.9993927.

Kolstoe, P. (1995). *Russians in the Former Soviet Republics*. L., Hurst & Co, Indiana Univ. Press. 305 p.

Kosmarskaja, N. (1998). "Ya nikuda ne khochu uezzhat". Zhizn' v postsovetskoi Kirgizii glazami russkikh ["I Don't Want to go Anywhere." Life in Post-Soviet Kyrgyzstan through the Eyes of Russians]. In *Vestnik Evrazii*. No. 1–2, pp. 76–101.

Kosmarskaja, N. (2002). "Russkie diaspory": politicheskie mifologii i realii massovogo soznaniya ["Russian Diasporas": Political Mythologies and Realities of Mass Consciousness]. In *Diaspory*. No. 2, pp. 110–156.

Kosmarskaja, N. (2004). Post-Soviet Russian Diaspora. In *Encyclopedia of World Diasporas*. N. Y., Kluwer Academic Publ., pp. 264–272.

Kosmarskaja, N. (2006). “*Deti imperii*” v postsovetskoj Tsentral’noi Azii: adaptivnye praktiki i mental’nye sdvigi (russkie v Kirgizii, 1992–2002) [“Children of the Empire” in Post-Soviet Central Asia: Adaptive Practices and Mental Shifts (Russians in Kyrgyzstan, 1992–2002)]. Moscow, Natalis. 597 p.

Kosmarskaja, N. (2022). Teoretiko-metodologicheskie podkhody k izucheniyu diaspor v rossiiskoi i zapadnoi nauke [Theoretical and Methodological Approaches to the Study of Diasporas in Russian and Western Scholarship]. In *Perspektivy razvitiya diasporologii v epokhu globalizatsii, transnatsionalizma i tsifrovizatsii. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*. Almaty, Kazakhskii natsional’nyi universitet imeni Al’-Farabi, pp. 9–17.

Laitin, D. (1999). *Identity in Formation. The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad*. Ithaca, L., Cornell Univ. Press. 432 p.

Lebedeva, N. M. (1995). *Novaya russkaya diaspora. Sotsial’no-psikhologicheskii analiz* [The New Russian Diaspora. Socio-Psychological Analysis]. Moscow, Institut etnologii i antropologii. 299 p.

Melvin, N. (1995). *Russians beyond Russia: The Politics of National Identity*. L., Pinter. 170 p.

Melvin, N. (1998). The Russians: Diaspora and the End of Empire. In King, C., Melvin, N. J. (Eds.). *Nations Abroad: Diaspora Politics and International Relations in the Former Soviet Union*. Boulder, CO, Westview, pp. 27–57.

O gosudarstvennoi politike Rossiiskoi Federatsii v otnoshenii sootechestvennikov za rubezhom. Federal’nyi zakon Rossiiskoi Federatsii ot 24.05.1999 No. 99-FZ (redaktsiya ot 23.07.2013) [On the State Policy of the Russian Federation in Relation to Compatriots Abroad. Federal Law of the Russian Federation of 24.05.1999 No. 99-FZ (Edition of 23.07.2013)]. In *Konsul’tantPlyus* [internet-portal]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ (accessed: 25.06.2023)

Oskolkov, P. V. (2022). Organizatsii etnicheskikh men’shinstv v Rossii i Pol’she: metodologicheskie vyzovy sravneniya [Organisations of Ethnic Minorities in Russia and Poland: Methodological Challenges of Comparison]. In *Baltiiskii region*. Vol. 14. No. 4, pp. 113–127. DOI 10.5922/2079-8555-2022-4-7.

Pilkington, H. (1998). *Migration and Identity in Post-Soviet Russia*. L., N. Y., Routledge. 264 p.

Pilkington, H., Flinn, M. (2002). Chuzhie na Rodine? Issledovaniya “diasporal’noi identichnosti” russkikh “vynuzhdennykh pereselentsev” [Strangers at Home? Studies of the “Diasporal Identity” of Russian Internally Displaced Persons]. In *Mezhregional’nye issledovaniya v obshchestvennykh naukakh* [internet-portal]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/russ-ost/diaspr/12.html (accessed: 30.06.2023)

Pilkington, H., Flynn, M. (2006). A Diaspora in Diaspora? Russian Returnees Confront the “Homeland”. In *Refuge: Canada’s J. on Refugees*. Vol. 23. No. 2, pp. 55–67.

Poppe, E., Hagendoorn, L. (2001). Types of Identification among Russians in the “Near Abroad”. In *Europe-Asia Studies*. Vol. 53. No. 1, pp. 57–71. DOI 10.1080/09668130020016486.

Ryazantsev, S. V. (2016). Russkie za granitsei: sushchestvuet li russkaya diaspora? [Russians abroad: Is there a Russian Diaspora?]. In *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. No. 5, pp. 3–10.

Safran, W. (1991). Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return. In *Diaspora: A J. of Transnational Studies*. Vol. 1. No. 1, pp. 83–99.

Schiller, G. (2005). Long-Distance Nationalism. In Ember, M., Ember, C., Skoggard, I. (Eds.). *Encyclopedia of Diasporas. Immigrant and Refugee Cultures Around the World*. Boston, Springer, pp. 570–580.

Sheffer, G. (2003). *Diaspora Politics: At Home Abroad*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 308 p.

Shlapentokh, V., Sendich, M., Payin, E. (Eds.). (1994). *The New Russian Diaspora: Russian Minorities in the Former Soviet Republics*. N. Y., Routledge. 288 p.

Smith, G. (1999). Transnational Politics and the Politics of the Russian Diaspora. In *Ethnic and Racial Studies*. No. 22 (3), pp. 500–523. DOI 10.1080/014198799329404.

Sushchii, S. Ya. (2020). Russkoe naselenie blizhnego zarubezh'ya: geodemograficheskaya dinamika postsovetskogo perioda [Russian Population of the Near Abroad: Geodemographic Dynamics of the Post-Soviet Period]. In *Demograficheskoe obozrenie*. Vol. 7. No. 2, pp. 6–30. DOI 10.17323/demreview.v7i2.11137.

Vitkovskaya, G. S. (1999). Rossiiskie diaspory v Tsentral'noi Azii: migratsionnyi potentsial [Russian Diasporas in Central Asia: Migration Potential]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 2, pp. 45–53.

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda (1989) [All-Union Population Census of 1989 (1989)]. (N. d.). In *Demoskop Weekly* [website]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php (accessed: 25.06.2023)

Webner, P. (2015). The Boundaries of Diaspora: A Critical Response to Brubaker. In *Diasporic Constructions of Home and Belonging*. Berlin, München, Boston, De Gruyter, pp. 35–52. DOI 10.1515/9783110408614–004.

Zayonchkovskaya, Zh. (2000). New Migration Trends in the Commonwealth of Independent States. In *Intern. Social Science J.* No. 165, pp. 343–355.

Zevelev, I. (2001). *Russia and Its New Diasporas*. Herndon, United States Inst. of Peace Press. 240 p.

Ziegler, Ch. (2006). The Russian Diaspora in Central Asia: Russian Compatriots and Moscow's Foreign Policy. In *Demokratizatsiya. The J. of Post-Soviet Democratization*. No. 14 (1), pp. 103–126. DOI 10.3200/DEMO.14.1.103–126.

The article was submitted on 26.06.2023